

УДК 342

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «КОНСТИТУЦИЯ»

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

Выясняется этимология слова «конституция». Объясняются причины многозначности данного понятия. Показана роль императорских конституций в Древнем Риме. Отмечается, что термин «конституция» использовался в эпоху Средних веков. Современное значение «конституции» связывается с периодом Нового времени. Уточняется, где впервые термин «конституция» означал основной закон государства. Дается краткий обзор зарождения американского конституционализма и соответствующей традиции на Европейском континенте. Подчеркивается, что в суверенной истории Беларуси действующий акт высшей юридической силы имеет двойное наименование: «конституция» и «основной закон».

Термин «конституция» вошел в юридический лексикон всерьез и надолго. Современное правовое и демократическое государство не может развиваться вне конституционных рамок, причем не имеет значения, какого рода конституция имеет место в конкретной стране: «писаная» либо «неписаная», «кодифицированная» или «некодифицированная». В любом случае речь идет о неких правовых актах, имеющих основополагающее юридическое значение. Но так было не всегда. Конституция в ее современном понимании существует немногим более 200 лет, в то время как сам термин активно используется более двух тысячелетий, однако в самых разных значениях.

Как ни удивительно, выяснению вопроса о происхождении и эволюции данного термина авторы практически не уделяют никакого внимания. Упускается очень важный момент, связанный с проблемой трансформации явления в рамках устойчивого и очень консервативного термина, что приводит к терминологической путанице и подмене понятий. Видение вопроса освещается в нетрадиционном для современной науки ракурсе на основе исторического и сравнительно-правового анализа.

Основная часть. Слово «конституция» многозначно. С помощью этого термина обозначаются разные явления. В лингвистике способность слов иметь несколько значений называется *полисемией*. Многозначные слова широко распространены в языке права (см. Н.Н. Ивакину [1, с. 101]), и это в полной мере относится к термину «конституция». Во-первых, с помощью этого термина в настоящее время обозначают основной закон государства; во-вторых, под нею понимают «телосложение, обусловленное определённым соотношением в развитии органов и тканей», т.е. слово обладает биологическим смыслом (построение).

Например, во втором значении этот термин используется в судебной медицине, криминалистике (конституция человека), но сейчас речь идёт о конкретной форме юридического акта. И в первом, и во втором случае мы имеем дело с языковым заимствованием. Латинизм «constitutio» (установление, учреждение) [2, с. 325] проникает в славянские языки через польский и французский с XVI по XIX век наряду со многими другими (референдум, диктатура, резолюция, меморандум, революция, экстрадиция и пр.). Это естественный процесс в любом современном языке, так как отражает политические, торговые, культурные, военные связи народа с другими государствами. В юридическом лексиконе периода Великого княжества Литовского данный термин проявляет себя с XVI века. В основе термина «конституция» лежит латинский корень *const*, что означает устойчивость, стабильность.

Происхождение термина «конституция» научно не определено. По мнению Е.И. Козловой [3, с. 72], он взят из юридико-технического оборота «*Rem publicam constituitur*», которым начинались акты римских императоров. Интересно отметить и тот факт, что наряду с термином «конституция» применялось на первоначальных этапах её становления и наименование «основной закон» (*lex fundamentales*). Многие современные государства (Беларусь в том числе) воспроизводят оба эти термина, которые считаются равнозначными.

В Древнем Риме императорские конституции играли роль важнейших источников публичного и частного права. Во многом это было «собирательное» название. В эпоху принципата конституции издавались в четырёх основных формах: а) *эдикты* – общие распоряжения; б) *декреты* – решения по судебным делам; в) *рескрипты* – ответы на поступившие к императорам вопросы; г) *мандаты* – инструкции чиновникам по административным и судебным вопросам.

Как отмечает В.А. Краснокутский [4, с. 36], поскольку в период домината мандаты выходят из употребления, а декреты и рескрипты имеют силу только по конкретным делам, то основной формой конституции являлся императорский эдикт. Впоследствии выдвигались инициативы по кодификации конституций, которые, однако, были произведены не правительством, а частными лицами: Кодекс Григориана (295 г.); Кодекс Гермогениана (как дополнение к предыдущему); Кодекс Феодосия (438 г.).

Надо признать, что в правовой системе Древнего Рима периода принципата термин «конституция» не был созвучен его нынешнему значению, поскольку через этот акт выражалась воля нового суверена и происходило постепенное замещение закона как формы позитивного права. Более того, по концепции

Помпония принцепс как воплощение нового режима конституируется («constituto principe») независимо от воли римлян: «...quod ipse princeps constituit pro lege servetur» («... то, что принцепс постановит сам, соблюдается вместо закона») [5, с. 114]. Императорская конституция возвышается над любыми формами позитивного права, становится критерием сама для себя. Отсюда Ульпиан и вывел свою знаменитую максиму – «Принцепс свободен от законов».

Можно говорить о том, что конституции императоров превращаются в важнейший источник права, и они, в отличие от многих актов магистратов, действовали на всей территории римского государства, а не были ограничены пределами города. Как отмечает О.А. Жидков [6, с. 205], первоначально конституции императоров касались лишь вопросов публичного порядка (организации администрации, преступлений и т.п.), но постепенно они всё более охватывали все сферы правового регулирования. Важно и то, что многие выработанные в императорскую эпоху формы конституций оказали впоследствии большое влияние на законодательную технику средневековых монархий.

По нашему мнению, между рассмотренным значением термина и нынешним его пониманием существует принципиальная разница. Во-первых, в Древнем Риме о конституциях говорится во множественном числе, количество их исчислялось сотнями. В настоящее время данный термин подразумевает, как правило, основной закон как акт высшей юридической силы, существующий в единственном числе. Во-вторых, и это представляется более важным, современная конституция как «основной закон» предполагает известное ограничение для публичной власти, в то время как императорские «конституции» являлись собой акты абсолютного единовластия. Поэтому нельзя переносить современную терминологию на древнюю действительность, и наоборот.

В современном понимании этого слова конституций не было и в Средние века, хотя сам термин использовался многократно. Например, когда крестоносцы во время походов для «освобождения Иерусалима от неверных» завоевывали территории на Ближнем Востоке, они иногда принимали для своих поселений документы, называвшиеся конституциями («установлениями»). Это были главным образом акты религиозного и военно-феодалного характера. В Средние века в Европе, поясняют Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин [7, с. 9], принимались документы, иногда официально или неофициально называемые конституциями (об устройстве монашеских орденов, городских республик), а также правовые акты, содержавшие положения, которые теперь считаются имеющими конституционное значение (Великая Хартия вольностей 1215 года в Англии, Золотая булла 1222 года в Венгрии, Великий мартовский ордонанс 1357 года во Франции). Справедливости ради отметим, что эти акты конституциями не назывались, а их содержание было далёким от содержания современных конституций. Но есть примеры и иного рода. Термин «конституция» был использован в уложении законов и обычаев (*Constitutia legis et usus*) г. Пизы 1161 года [8, с. 309]. В данном случае запись обычного права совмещается с королевскими законодательными установлениями, положениями канонического права и заимствованиями из римского правоведения и законов (откуда и появляется термин «конституция»). Однако напомним, что поскольку латынь занимала ведущие языковые позиции в Западной Европе, многие термины получили широкое распространение и в иных, помимо юридической, сферах: науке, католическом богослужении, анатомии («конституция» как строение человека).

В своей работе К.В. Арановский [9, с. 111] призывает с большой осторожностью использовать термин «конституция» современным авторам, занимающимся древней историей. К примеру, учёный критикует позицию К.А. Попова, который в своей работе «Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984 г.» Конституцией назвал акт Сетоку, принятый японским принцем ещё в VI веке, нравственно-политическое содержание которого состояло в идее патерналистского (покровительствующего), но никак не конституционного государства. Верно замечание К.В. Арановского и касательно того, что Япония не имела собственной конституционной традиции, а перенимала её у западных стран уже в Новейшую эпоху. Но в таком случае аналогичное требование можно переадресовать и Ш.-Л. Монтескьё, который в своём фундаментальном труде «*О духе законов*» пишет следующее: «Согласно конституциям Московии, царь волен избрать себе в преемники кого хочет или в своём семействе, или вне его» [10, с. 61]. Ясно, что в преломлении на деспотический уклад Московского государства язык не поворачивается произносить само слово «конституция». Но в том то и дело, что французский просветитель использует терминологию сообразно римской традиции, по которой «конституциями» назывались акты, символизирующие абсолютный характер власти суверена – императора. Ещё раз подчеркнём, что ни рабовладельческое, ни феодальное общество не знали конституции как основного закона государства, хотя сам термин имел широкое распространение, но отражал он совершенно иное явление.

В современном значении (или близко к нему) термин «конституция» начинает употребляться в эпоху Нового времени. Направление конституционному развитию положило основание английских колоний на североамериканском континенте: «Идеи о необходимости основного закона, ограничивающего абсолютистский произвол, взяли с собой в Америку бежавшие от притеснений во время революции и после неё различные волны британских эмигрантов. С их деятельностью и связан первый конституционный опыт», – такое объяснение дают Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин [7, с. 10]. Этому же мнению придерживается Б.С. Эбзеев, когда пишет о том, что «отцы-пилигримы, отправившиеся в 1620 году в Америку, ещё

во время путешествия составили так называемый “Plantation Covenant” (колониальный договор), который нередко называют первой писаной конституцией. Этот договор начинался таким образом: “Во имя Бога, аминь! Мы, нижеподписавшиеся, поданные Его Величества, нашего суверенного государя Якова, Божьей милостью короля Великобритании и пр., предприняли во имя Бога, распространения христианской веры, ради чести нашего короля и отечества путешествие, чтобы учредить первую колонию на севере Вирджинии, и взаимно соединяемся настоящим торжественным договором перед Богом и в присутствии всех нас для доброго порядка, общего блага преследования вышеназванных целей. В силу этого договора мы издадим, установим и учредим такие справедливые Законы, такие постановления, распоряжения, **конституции** (выделено нами. – А. П.), такие должности, которые окажутся желательными для общего блага колонии, и обещаем всем должное послушание и подчинение. В свидетельство чего мы подписали свои имена 11 ноября, в лето от Рождества Христова 1620-е” [11, с. 93]. Но поскольку, как можно убедиться, конституции идут лишь в долгом ряду перечислений вместе с другими актами, мнение Б.С. Эбзеева не вполне соответствует фактам. Скорее, этот Ковенант (Соглашение) следует рассматривать как важнейший первоисточник идей американской конституции.

С этих событий начинается построение первого демократического политического сообщества на территории Новой Англии. Дореволюционный российский юрист Ю. Гачек полагал, что первыми ввели у себя конституции Коннектикут, Провиданс и Нью-Гавен 11 января 1639 года [11, с. 93], но всё же их нельзя рассматривать в значении термина «основной закон». Впервые термин «конституция» как заглавный юридический акт прозвучал в январе 1776 года в Нью-Гемпшире при принятии одноименного документа. Эта первая в мире конституция (в современном значении слова) представляла собой небольшой по объёму акт, время действия которого было рассчитано на период «несчастливой и неестественной борьбы с Великобританией», призывавший к скорейшему прекращению войны [12, с. 8]. В марте 1776 года была принята Конституция Южной Каролины, а всего, по свидетельству знатока американского конституционализма В.И. Лафитского [12, с. 7], до принятия федеральной Конституции 1787 года в штатах действовало 16 конституций.

Положения федеральной Конституции 1787 года были написаны с учётом конституционного законодательства штатов. Именно в США впервые облекли конституцию в форму единого основного закона, действующего для суверенного государства, и с этой поры слово «конституция» стало политическим термином с конкретным значением. Поправки к Конституции, 10 из которых вступили в силу 15 декабря 1791 года, составили так называемый Билль о правах, но они не были инкорпорированы в текст Конституции. Однако сами американцы всегда рассматривали Билль о правах как органическую часть Конституции. (Всего было принято 27 поправок, последняя – в 1992 году).

На Европейском континенте первая конституция была принята в Речи Посполитой 3 мая 1791 года, однако с использованием термина «конституция» не всё однозначно. Дело в том, что акт, принятый 3 мая и утверждённый 5 мая не назывался Конституцией (название было *Ustawa Rządowa*), но в самом тексте термин употребляется неоднократно. Например, было сказано, что «для общей пользы, для укрепления свободы, для спасения Отчизны нашей и её границ с великой твёрдостью духа эту Конституцию утверждаем» [13, с. 173]. Исторически данный акт действовал недолго – до мая 1792 года. Вслед за Конституцией Речи Посполитой 3 сентября 1791 года была утверждена Конституция Франции, которая просуществовала до 1793 года, а уже с первой половины XIX века конституционное правотворчество охватило почти всю Европу. С тех пор латинский термин «*constitutio*» укоренился всерьёз и надолго.

С первенством по использованию термина «конституция» в качестве основного закона страны на Европейском континенте также не все ясно. Например, украинский автор А.И. Забейворота исследует документ, который долго замалчивался в российской и украинской историко-правовой науке. Речь идет о написанной в апреле 1710 года так называемой «Конституции Орлика» (полное название – «Пакты и конституции законов и вольностей войска Запорожского»), которая предусматривала установление национального суверенитета и определение границ Украинского государства. Можно по-разному оценивать заявленный подход [14, с. 45 – 48]: «Написанная в апреле 1710 года, она действительно претендует на “пальму первенства”, ибо появилась на 90 лет раньше польской и на 70 лет раньше американской Конституции», однако признаем и следующее. Достоинством этого правового акта является то, что в нем содержатся элементы теории естественного права, разделения властей, независимости судебной власти, местного самоуправления, антикоррупционной политики. Это действительно уникальный исторический документ, который еще ждет своих исследователей.

Возвращаясь в век XX, напомним, что советские конституции воспроизводили два термина – «конституция» и «основной закон». Эта традиция была сохранена в суверенной истории Беларуси, и ныне действующий акт высшей юридической силы имеет двойное наименование. В самом же тексте Белорусского Основного Закона термин «конституция» употребляется 81 раз, что во многом объясняется объёмным («развёрнутым») характером документа.

Заключение. Как можно убедиться, проблематика исследования во многом осложнена многозначностью термина «конституция». Зародившись в Древнем Риме, конституции играли роль правовых актов суверена, воля которого была предельно абсолютизирована и не имела в принципе никаких юри-

дических ограничений. Влияние латыни и римского права на развитие Европы объясняют «живучесть» данного термина, его широкую применимость во многих сферах общественной жизни.

Однако в современном значении термин «конституция» следует понимать лишь в привязке на эпоху Нового времени, и прежде всего в связи с известными событиями на североамериканском континенте во второй половине XVIII века. Возникшие Соединенные Штаты Америки с течением времени все более становятся для других стран примером для подражания, своеобразным «законодателем мод» в плане политического развития. Поэтому не случайно уже в XIX веке по всей Европе прокатилась волна конституционных преобразований, и многие государства «обзавелись» основным законом под названием «конституция». Именно с тех пор этот политический термин в сфере публичных отношений понимается в смысле основополагающего акта политического, юридического и идеологического свойства. Беларусь здесь не является исключением. Основной Закон нашей страны именуется конституцией, причем такое двойное наименование объясняется кодифицированным характером акта высшей юридической силы, что вполне соответствует европейской теории и практике современного конституционализма. Разница между «основным законом» и «конституцией», конечно же, существует, но данная проблема заслуживает самостоятельного исследования на несколько иной методологической основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивакина, Н.Н. Профессиональная речь юриста: учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Изд-во БЕК, 1997. – 348 с.
2. Словарь иностранных слов. – М.: Государственное Издательство Иностранных Национальных Словарей, 1949. – 808 с.
3. Козлова, Е.И. Конституционное право России: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 608 с.
4. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Новый Юрист, 1998. – 512 с.
5. Дождев, Д.В. Римское частное право: учебник / Д.В. Дождев. – М.: НОРМА, 1997. – 704 с.
6. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 ч. / О.А. Жидков, Н.А. Крашениникова. – 2-е изд., стер. – М.: Изд-во НОРМА, 2003. – Ч. 1. – 624 с.
7. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
8. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов / В.Г. Графский. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 744 с.
9. Арановский, К.В. Государственное право зарубежных стран: учеб. пособие / К.В. Арановский. – М.: ИНФРА – М; ИД «ФОРУМ», 2000. – 488 с.
10. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
11. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
12. Лафитский, В.И. Основы конституционного строя США / В.И. Лафитский. – М.: Изд-во Норма, 1998. – 272 с.
13. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447 – 1996 гг.): моногр. / М.Ф. Чудаков. – Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.
14. Забейворота, А.И. Конституция Орлика: мифы и реальность / А.И. Забейворота // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 1. – С. 45 – 48.

Поступила 12.09.2011

THE MAINTENANCE OF THE TERM “CONSTITUTION”

A. PUGACHEV

The etymology of a word “constitution” is found out. The reasons for a polysemy of the given concept are explained. The role of imperial constitutions in Ancient Rome is shown. It is marked, that the term “constitution” was used during an epoch of Middle Ages. Modern value of “constitution” contacts the period of New time. It is specified, where for the first time the term “constitution” means the organic law of the state. The brief review of origin of the American constitutionalism and appropriating tradition on the European continent is given. It is emphasized, that in sovereign history of Belarus the operating certificate of the maximum validity has the double name: “constitution” and “organic law”.